

УДК 323.39:(478)+(477)+(470+571)

И. П. БИДЗЮРА

Институт социальных наук и самоуправления МАУП, г. Киев

ВЫДАЮЩИЕСЯ И ИЗВЕСТНЫЕ МОЛДАВАНЕ И УКРАИНЦЫ В ЭЛИТНЫХ КОНТЕКСТАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОЛДОВЫ, УКРАИНЫ И РОССИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Наукові праці МАУП, 2008, вип. 3(19), с. 142–152

Раскрывается роль отдельных диаспорных личностей, которые самоопределились из среды молдаван в Украине и России и из среды украинцев и россиян — в Молдове. На протяжении веков всемирная история последовательно отшлифовывает социологическую закономерность специфического свойства: на поверхности социальных классов и слоев постепенно выходят индивидуальности и микрогруппы людей, которые видят дальше других, хотя для себя и для других несколько больше других и деятельностно добиваются для себя и для других больше других. С легкой руки итало-французского социолога В. Парето такие люди называются “элитой” и “элитниками”. Утверждается, что во всех странах интеллектуальная и политическая элита генезисно двойная — аристократическая и простонародная, но в функциональном смысле ее роль единственная — воспитывать в себе такие качества, без которых народ страны потерялся бы в лавинах истории.

Вот уже которое столетие подряд всемирная история последовательно отшлифовывает социологическую закономерность специфического свойства: на поверхности социальных классов и слоев мало-помалу выходят индивидуальности и микрогруппы людей, которые видят несколько дальше других, хотя для себя и для других несколько большего других и деятельностно добиваются для себя и для других несколько больше других. С легкой руки итало-французского социолога **В. Парето** таких людей стали называть “элитой” и “элитниками” (от лат. *eligere* и франц.

élite — лучшие из лучших, избранные, отборные, выделяющиеся). Самовыделившийся “из массы” человек, естественно, ищет возможности приложения своих сил. Если эти возможности находятся “у себя, дома”, он остается в статусе “отечественного патриота”, если же нет, — он стремится к эмиграции и диаспоризации, очень часто руководствуясь принципом **Диогена**: “Я — гражданин Вселенной...”

Оказавшись за пределами своих родных **этноплацент** и **этнооюкмен**, они сознательно идут на создание пока что “чуждых” им **этнокультур-**

ных ареалов (эти трудновоспринимаемые для славянского уха научные понятия лет двадцать назад пустил в теоретико-исследовательский оборот наш молдово-украинский соотечественник профессор **И. М. Варзарь** [6, 96, 128–134, 137]), диаспорные элитники начинают расслаиваться на микрогруппы (землячества, партии, клубы) и отдельные индивиды, но уже по внутриимпульсным причинам и критериям экономико-имущественного, социально-бытового, политико-культурного, религиозно-этического, профессионального, личноотличительского и иного характера. О некоторых самовыделяющихся диаспорных людях из среды молдаван в Украине и России и из среды украинцев и русских — в Молдове я хочу поделиться своими соображениями, сведениями, наблюдениями и обобщениями. Эта двухслойная — политическая и интеллектуальная — история в указанном исследовательском ракурсе необычайно богата, разнообразна и разносодержательна, — как в проекциях минувших, так и нынешних дней. Вынужден констатировать, что эта история изучена весьма неудовлетворительно, во всяком случае, это касается Украины, да и мне она, к сожалению, известна в неудовлетворительной степени. Однако, несмотря ни на что, рассмотрим эту тему в ее известных мне аспектах.

Сюжет темы начал разыгрываться во второй половине XVI в. и полностью раскрывался на всем протяжении драматического XVII в., который во всемирной историографии служит символическим мостом между Средневековьем и Новым временем. Само же конституирование сюжета происходило в Европе от Атлантики до Волги и в сети беспрецедентных событий и сдвигов общемирового масштаба: (1) окончания серии великих географических открытий; (2) начала эпохи великих научных открытий; (3) перипетийного протекания Тридцатилетней войны; (4) усиления агрессивноколониалистских амбиций Оттоманской Порты, стремившейся покорить всю Европу до Дуная, Рейна и Балтийского моря, дабы освободить себе руки для сведения счетов с Украиной и Московией; (5) превращения — как один из результатов Тридцатилетней войны — “Священной Римской империи” **Каролингов** в “Священную Римскую империю немецкой нации”; (6) свершения во многих европейских странах, в том числе в Украине и Молдове, ряда названных позже “ранних” буржуазно-демократических революций, развязавших руки первоначальному среднему классу (в степной Украине — это среднебогатое казачество, в Карпатской Украине — “жируючі жупани”, в

Волынско-Берестейской Украине — “хуторяны”, а в Молдове — “солтисы” и “рэзэши”).

В наших двух странах названные факторные сдвиги всеевропейского масштаба, если не во всем прямо, так эпизодично и косвенно, как-то подталкивали процесс образования целоэтнических народов с централизованными государствами к политической надстройке. Последний эффект, правда, к сожалению, давал о себе знать недолго, и это отразилось на темпах образования исследуемого элитистского феномена этнодиаспорных маргиналий вдоль соответствующих границ. Конечно, еще во времена Позднего Средневековья вдоль наших границ уже возникали некие прообразы исследуемых этнодиаспорных маргиналий, такие, например, как украинское днестровское казачество [15, 18, 62] или “Молдавское Южнобужье” в нынешней Николаевской области Украины [19]. Что и говорить о попытках **Б. Хмельницкого** в начале 1650 г. и позднее установить вассалитет над Молдовой посредством женитьбы сына **Тимофия** на **Розанде** — дочери домнителя **Василе Лупу** [15, 73, 80, 85]. Подобные этногосударствоведческие эпизоды имели место, но в их полуутопических контекстах так и не успел зародиться исследуемый феномен с искомым этноэлитным атрибутом.

Предметно-исследовательскую часть сюжета я ради удобства разделяю на два ситуативных контекста: 1) материковые этноэлитные молдаване в контекстах политической и интеллектуальной истории Украины и России; 2) материковые этноэлитные украинцы, проявившие себя в политической и интеллектуальной истории Молдовы. Еще одно рабоче-прояснительское замечание. Представителей выделенных групп материково-диаспорных украинцев и молдаван, объективно оказавшихся “задействованными” в контекстах и коллизиях украино-молдавской политической и интеллектуальной истории Нового и Новейшего времен, я расположил не по профессиям, поколениям, геолокусам размещения в визави-странах, профилям совершенных ими политико-интеллектуальных прорывов или по иным критериям. Наиболее удобным мне показался **хронологическо-бытийный принцип**, пользуясь которым можно установить для себя научно общезначимые истины. Тут же прибегну и к одной предварительной иллюстрации.

Осмысливая извивы региональной (соседской) истории наших двух этнически не родственных, а просто геополитически смежных стран, одну из тех истин, — и, пожалуй, едва ли не глав-

ную из тех истин, — можно сформулировать так: знаменитые, известные и малоприметные личности с обеих сторон своими общечеловеческими помыслами и ситуационно взвешенными деяниями объективно добивались того, чтобы между нашими разноэтническими и разновеликими народами не возникали ненавистные в человеческом общении фигуры “старшего брата-благодетеля” или “соседа-шовиниста, независимого ни от кого в этом мире”, а их отношения, в общем и целом, характеризовались принципами консенсуса, солидаризма и этико-культурной взаимодополняемости.

Благодаря всему этому отношения украинцев и молдаван со времен Позднего Средневековья и до наших дней в геополитическом регионе Центрально-Юго-Восточной Европы почти что беспрецедентны. Я помню логику пословицы “всякая аналогия хромает”, и все же приведу здесь одну аналогию: в исследуемую сверхвеликую эпоху европейской истории отношения наших двух народов сродни, “в принципе” и “в общем”, отношениям разнотипных народов-этносов, например греков и македонцев времен правления династии **Македонских**, галлов и аллеманов эпохи **Меровингов**, англов и валлийцев после 1531 г., поляков и литовцев эпохи Речи Посполитой (особенно же после Кревской унии 1385 г. и до первого раздела Польши в 1772 г.), шведов и финнов (эпохи между Ливонскими войнами и Северной войной), австрийцев и венгров пятидесятилетней полосы 1867–1918 гг. и др. Еще раз повторюсь: подобное взаимоплодотворное содружество народов не было случайным следствием стихийной истории. И вот, как я понимаю, в силу каких обстоятельств, коллизий и пересечения объект-субъектных факторов данный политолого-этнологический феномен возникал, становился различной реальностью и материализовывался в истории.

Принято считать, что во второй половине XV в. украинцы “первыми пошли навстречу будущему”. Те первые их шаги были импульсированы византийским Вселенским Патриархатом (в Константинополе) и Киевско-Галицкой митрополией (в Киеве) и в целевом анфасе имели религиозно-просветительский, а в подтексте — ярко выраженный идейно-политико-экспансионистский характер: “распространение правильной греческой веры и церковно-славянского письма”; строительство монастырей и церквей, налаживание в них и возле них начального школьного образования, книжно-переписательского дела, иконографического и художественно-изобразительного дела.

Позитивный эффект этой деятельности “первых славонцев” в Средневековой (еще раздробленной и оккупированной попеременно Турцией и Татарией) Молдове — “распространение греческой ортодоксальной веры, письменно-книжного знания и искусств” — в XX в. констатировал даже такой “специфически западный” мыслитель, как профессор истории и политической философии Бухарестского и Сорбонского (Париж) университетов **Николае Йорга** [18, 4].

Показателен тут не только духовно-идеологический, но и кадровый этнократологический эффект. Из среды этих первых религиозно-политических просветителей-первопроходцев постепенно на всемолдавскую арену стали выходить и первые “местные менеджеры” — на пастырскую и политико-управленческую работу. Среди них были, говоря современным языком, и бескорытники-“интернационалисты”, и рыцарски-авантюрные элементы “высокой кратологической руки”: вторые обнаружались в коллизиях борьбы за молдавский престол в последней трети XV — начале XVI вв. (Северин **Наливайко**, Байда **Вишневецкий** и др.); первые же рельефно обнаружались лишь в начале XVI в. Отмечу среди них лишь двух — полтавского монаха, ставшего в Верхней Молдове архиепископом епархии Пятра Нямец Паисия **Величковского**, и подолянского шляхтича Кира Константина **Бэчка** — в крупной должности “Великого ворника” (нечто вроде ранга нынешнего первого вице-премьера) правительства Нижней Молдовы (ныне — Запрутская Молдова в составе Румынии). Сам себя он зафиксировал так: “**Kostea Băcioc, Velvornic Dolnia zemli**” [18, 11]. В конце XVI в. выделился также молдаванин Ион **Брынэбогăт** (в украинской транскрипции — Иван **Борзобагатый**), ставший Брацлавским епископом и профессором канонического права Барского католического коллегиума. Дополнительными деталями об этих ороманенных украинцах и ославоненных молдаванах не располагаю.

Однако... “маятник пошел в обратный путь” уже в начале XVII в.: отмеченное выше резкое усиление агрессивного-колониалистских устремлений Оттоманской Порты в Центрально-Юго-Восточной Европе, — и даже несомненная победа “объединенной Европы” над турками и татарами под Хотинном (сентябрь 1621 г.), — все же обусловили “возвращение на круги своя” некой части украинских этико-религиозных просветителей и “политических работников” в пределы отечественной этнооикюмены. Крупных имен “возвращенцев”

называть не могу. Но в путь за ними пустился и “молдавский маятник” — за “славонскими возвращенцами” пошла незначительная часть молдавской политико-государственной и интеллектуально-религиозной интеллигенции: одни (будучи в зрелом возрасте) направлялись на учебу во Львов, Киев, Каменец, Бар; другие вливались в строй украинского казачества (колоритно изображенных **П. Кулишом** в книге “Черная рада”); третьи, хорошо подготовленные в европейских университетах, сознательно и целеустремленно направлялись на политико-управленческую, дипломатическую и научно-просветительскую работу в Украину, Россию, Италию, Польшу и даже ... в Китай.

О третьей микрогруппе “выдающихся молдаван в добровольном славонском экзиле” (**Н. Йорга**) я попробую высказаться как можно короче, ибо о них многое уже сказано и написано. Тут особо рельефно выделяются три фигуры: принц **Петру Симион Мовилэ** (в Украине более известный как **Петро Могила**, а в Польше — как **Пётр Мовыланд**), **Досифей** и **Николае Гавриил Милеску-Спэтару** (во внешнем мире более известный как **Николай Спафарий** и **Николь Спафару**). Условно говоря, эти три фигуры “заполнили собой” всю полосу времени от 80-х годов XVI в. и до первого десятилетия XVIII в. Думаю, буду правильно понят, если основное внимание уделю первой фигуре в указанном элитном ряду.

Итак, открывает веки бурного ренессансного XVII в. **Петр Могила** — выдающийся просветитель и политико-религиозный деятель Украины и Польши, по этнопроисхождению — сын молдавского домниатора **Симиона Мовилэ** и венгерской принцессы **Маргарет**. Более трехсот лет ученые многих стран спорили по поводу даты его рождения, и только к середине 90-х годов XX в. в результате многолетних архивных, археографических и лингвистических трудов да исследований известный, ныне здравствующий украинский ученый **А. И. Билодид** установил эту дату — 1574 г. [3, 4, 34–35]. Ранее этой датой считался 1596 г., поэтому, ориентируясь на нее, ЮНЕСКО объявило 1996-й “четырёхсотым годом Петра Могилы”, а Украинская Православная Церковь причислила его к лику святых.

В молодые годы П. Могила учился в коллегии во Львове и Ля Флеш (Франция), затем — в двух-трех университетах Италии, Франции и Голландии, в них же некоторое время работал университетским профессором. Знаменитый киевлянин, историк философии, академик **В. Асмус** установил, что **Рене Декарт** — коллега и/или универ-

ситетский однокашник **П. Могилы** [1, 32–34]. С юных лет слыл знатоком классических, новоевропейских и восточных языков. По окончании учебной и научно-педагогической работы на Западе некоторое время (не исключено, что вместе с **Р. Декартом**) путешествовал по европейским и азиатским странам. Несколько лет командовал молдавским казачьим войском, служил офицером Коронного войска Польши и советником по военно-политическим вопросам короля **Сигизмунда III**. Участвовал в двух исторических битвах “объединенной Европы” с Турцией и Крымской Татарией под Цецорой (1620 г.) и под Хотинем (1621 г.).

С 1622 г. и по конец земного бытия (1647 г.), вероятно, безвыездно жил и напряженно работал в Украине. Несколько лет “казачествовал”, осваивал монашеский быт. В 1625 г. постригся в монахи. В 1627 г. был избран архимандритом Киево-Печерского монастыря, в 1632 г. — митрополитом Киевским, Галицким и всея Украины-Руси. К 30-м годам XVII в. стяжал заслуженную славу энциклопедически разностороннего просветителя Центральной, Южной и Восточной Европы. Умер в 1647 г., на 73-м году бурной и весьма содержательной жизни.

Неизмерим вклад **П. Могилы** в идейно-научную культуру Украины и Молдовы второй трети XVII в., составивший, по многим оценкам, целую уникальную “могилянскую эпоху”. В самом общем и предварительном порядке этот просветительский вклад можно — весьма условно! — “втиснуть” в следующие пункты. (1) Он написал два десятка книг на семи языках — по проблемам философии, теологии, этики, истории, науковедения, государствоведения, лингвистики, искусствоведения, архитектуры, географии и др. (2) Он основал первых два высших научно-учебных заведения в наших странах — Славяно-Греко-Латинские Академии в Киеве (1632 г.) и Яссах (1640 г.) (позднее, во второй половине XVII в., их соответствующие филиалы последовательно открывались в Москве, Каменце, Кременце, Баре, а “молдовлашский вариант” — в Сучаве, Галаце, Котнаре и др.). (3) Он существенно содействовал финансовой, материально-технической и кадровой поддержкой открытию при академиях книжных типографий и серии ученических и монашеских школ. (4) Он всемерно — при сильном сопротивлении среды! — ратовал за “латинизацию” украинской духовной культуры, письменности и общественного мышления, дабы впоследствии Украине легче было занять подобающее ей место в контекстах европейской цивилизации. Лейтмотив деятельнос-

ти **П. Могила** в духовной сфере Средневековой Украины воплощен в следующей его аутентично патриотической фразе: “Нам необходимо учиться и учиться, — да так, чтобы Русь нашу в мире не называли глупой” [16, 92].

Трудно объять вклад **Петра Могила** в текущую жизнедеятельность и в дело европейской модернизации, в политическую сферу и социальную систему Украины второй трети XVII в. Выделю тут те же четыре (основные) подвиговые вехи:

- 1) в самом начале 30-х годов (XVII в.), когда митрополит **Иов Борецкий** (духовный наставник **Могила**) начал сепаратные переговоры с москвитями на предмет “автономного вхождения Украины в пределы Московского царства, — как можно подальше отдаляя ее от османов, татар и поляков” [8, 39–40], архимандрит **Могила** отказался присягать на верность московскому царю;
- 2) став митрополитом (1632 г.), Петр Могила выработал четкую тактико-стратегическую линию борьбы с церковно-политическими адептами Брестской (1596 г.) и Ужгородской (1646 г.) церковных уний, отточенными методами защищая украинский политико-государственный и религиозно-конфессиональный суверенитет;
- 3) будучи фактически вторым кратологическим лицом в составе правящего тогда политикума, он всячески старался “вытягивать” Украину из евразийского геоэкономического региона на западноевропейскую арену, чем и прослыл (весьма незаслуженным образом!) скрытым “полонофилом” и “проунионистом”;
- 4) будучи уже на смертном одре, по свидетельству **В. Аскоченского** [3, 15–16], он благословил молодого гетмана **Б. Хмельницкого** на священную этноосвободительную борьбу Украины против любых имперских колониалистских сил, за завоевание ею подлинного и долговременного политико-государственного суверенитета.

Об этой необычайной элитной личности украино-молдавского Ренессанса написано очень много, особенно в Украине, Румынии и Польше. Молдавский взнос в могилянскую историографию и элитологию мне, к сожалению, не известен. Превалирующая тональность промогилянских исследований в Украине — позитивна и конструктивна. И лишь один пасквильный примерчик встретился мне совсем недавно. Его принципиально нельзя замалчивать. Некто **Д. Блажеёвский** во львовской

брошюрке 2006 г. (изданной в серии “Українські патріоти”) с позиций захолустно-хуторского патриотизма поднимает редчайший по примитивному цинизму вопрос: *может ли — “в принципе и по существу” — этнопроисходец из одной страны стать элитником высокого политико-интеллектуального уровня в другой, этночуждой ему стране?* Упражняясь вокруг имени **П.С. Мовилэ — Петра Могила**, этот пасквильянт (за которого я — представитель Украины — приношу извинения Молдове Средневековой и современной) наплел кучу комплиментов несостоятельной самооценности: он-де — “румын и венгр по этнопроисхождению”, но в политическом отношении — “полякофил и польский наемник”; в нем “не было ничего от украинского облика, хребта и характера”; наконец, в религиозно-конфессиональном отношении, он — “раздвоенный и даже растроенный украинский православный” и т. д. [4, 11, 22, 27].

В подобной этической коллизии да именно в элитологическом отношении адекватную истине оценку **П. Могила** должны дать в первую очередь украинцы. И они уже дают ее. **П. Могила** — такая “историко-политическая фигура, которая сформировала облик своей эпохи и проводила основоположные реформы, ликвидировавшие старые порядки и устанавливавшие новый строй жизни, обозначая новое идейное направление на перспективу...” Под этим углом зрения, заключает свой тезис профессор Сорбонны, буковинский этнопроисходец, полуукраинец-полумолдаванин **А. Жуковский**, — “фигура П. Могила являет собой классический предмет для научного исследования” [10, 19–20]. **П. Могила**, считает уже процитированный **О.И. Билодид**, — “образец политического гражданина в самом широком понимании этого слова”. Минимум по трем мотивам. Во-первых, он видел за церковью роли и “важного социального института”, и “средства в политической и идеологической борьбе”. Во-вторых, “как представитель легального политического лагеря, своей деятельностью он открывал и расширял пространство для развития национально-освободительного движения в Украине...” В-третьих, он “использовал все свои легальные возможности и связи с Речью Посполитою для улучшения судьбы украинского народа. Это была сложная дипломатическая игра, кое-кому непонятная, возможно, и поныне” [3, 15–16]. Словно отвечая цитированному выше современному львовскому пасквильянту **Д. Блажеёвскому**, киевлянин **И. Сюдюков** этнологически четко отмечает: **П. Могила** — “вели-

кий украинец молдавской крови”. Однако и это не все: “...для Украины этот этнический молдаванин ... сделал больше, чем тысячи самозванных “патриотов” [16, 91, 94].

Возможно, некоторых из приведенных выше оценок, визий и констатаций заслужила бы и вторая фигура из обозначенного элитного ряда — фигура молдавского просветителя **Досифея**, который причастен к политической и культурной истории Украины второй половины XVII в. Возможно, однако вряд ли это достижимо сегодня, когда нам о нем очень многое просто неизвестно — ни даже светского его имени, ни точной даты и места рождения, ни целей его пребывания в Украине в 80-х годах того ренессансного века. Мало (во всяком случае, в моем распоряжении) конкретных сведений об обстоятельствах его жизнедеятельности в коллизиях политико-духовной истории как Молдовы, так и Украины тех времен. Две “восточки из прошлого” до нас все же дошли. *Во-первых*, церковное имя молдавского митрополита — **Досифей** (или **Дософтей**) — буквально совпадало с именем константинопольского Вселенского патриарха; они были и поколенческими сверстниками, и субиерархическими священнослужителями (“начальник — подчиненный”), — этими двумя обстоятельствами да с умыслом часто манипулировали и молдавские элитники того времени, и турецкие колониальные администраторы. Обо всем этом мы косвенно узнаем из одного частного письма самого митрополита [14, 37]. *Во-вторых*, **Досифей** — один из тех элитных молдаван середины XVII в., которые внимательно наблюдали и анализировали подвиги и перемены во внутренней и внешней политике руководства Украины уже после первых же побед в этноосвободительной войне под предводительством **Б. Хмельницкого** (учащавшиеся “походы за добычей в Молдову” запорожских казаков, nepотистский брачный союз **Тимофия Хмельницкого** и дочери домнителя — **Розанды В. Лупу** 1652 г.; гибель **Тимофия** под Сучавой год спустя при попытке “разоружить” местных казаков; довольно частые тайные переговоры украинских элитников с москвитами в Молдове и Константинополе). Эти и подобные им “сигналы с той стороны”, похоже, формировали **Досифею** проекцию элитного взлета в политической сфере — и на родине, и в Украине. Эти же обстоятельства обуславливали концентрацию его усилий преимущественно в духовной сфере: просветительство, открытие серии школ, закладывание основ молдавского стихосложения, науковедение, книгопечатание и

т. п. В годы последней трети XVII в. его взор все четче ориентировался на Россию. Показательно, однако, что известная его летучая фраза — “Свет к нам идет из Москвы” — была произнесена “в узком кругу” в г. Стрый в Украине [12, 272].

Еще более “промосковски настроенным” оказался третий знаменитый молдаванин второй половины XVII — начала XVIII вв. **Николай Спафарий** (полное и настоящее имя приведено выше). Он получил блестящее энциклопедическое образование в университетах Италии, Испании, Франции, Греции; свободно — устно и письменно — владел десятью языками; написал три десятка разнопроблемных книг пятью классическими и европейскими языками, объективно став основоположником молдавской ренессансной концепции философии и социологии [17, 29–31]. В молдавский период жизни был на ответственной государственной службе при дворах домнителей Молдовы и Валахии — начальником канцелярий, секретарем правительств, министром вооружений (откуда и его вторая фамилия: Спэтару, Спафарий) и главкомом войсками.

В 60-х годах XVII в. **Н. Спафарий** — на дипломатической службе в Италии, Польше, Швеции, Франции, Украине, Турции. В Константинополе на него обратили внимание два знаменитых человека того времени — упомянутый патриарх **Досифей** и украинский посланник **Гавриил Власий**, совмещавший и должности профессора Патриаршей Высшей школы (Константинополь) и Славяно-Греко-Латинской Академии (Яссы). Они и порекомендовали его московскому царю **А. М. Романову** в качестве “человека зело грамотного в языках и науках латинософских да вельми искусного в дипломатии и беседах с иноземлянами” [9, 116].

С 1671 г. и до конца дней (1708 г.) **Н. Спафарий** жил в России, периодически выезжая за ее рубежи с дипломатическими миссиями. В годы последней трети XVII в. в Москве он был советником царя **Алексея Михайловича** по широкому кругу вопросов государственного управления, теоретического осмысления внутренней и внешней политики, учителем юного царевича **Петра I**, консультировал “в европейском духе” русских дипломатов и министров двора, чиновников и представителей “местного боярства”, часто выступал с лекциями в Славяно-Греко-Латинской Академии, в которой он считался, говоря современным языком, “общественным (публичным) деканом”. Все свободное от основной работы время отдавал разнопроблемным научным исследованиям.

Свои политолого-государствоведческие взгляды он изложил в книге “Хрисмологион”, а социолого-этические взгляды — в книге “Арифмология”. В первоначальном лексиконе и композиции обе книги до сих пор пребывают в рукописном состоянии. Выдержки и переосмысления, переводы и комментарии к его трудам изданы на русском языке тридцать лет тому назад (**Николай Спафарий**. Эстетические трактаты. — Л., 1978).

Основные научно-политические подвиги **Н. Спафария** конца XVII — начала XVIII вв. совершены на дипломатическом и политико-консультативном фронтах вкупе с проведением им комплекса исторических, философских, естествоведческих, политических, географических и лингвистических исследований. Сердцевинными сюжетами тут выступают четыре историологических контекста:

- 1) 1675–1678 гг. — поездка в Китай во главе первой в истории России дипломатической миссии, а в ее контекстах — бесценная подготовительная работа по формулированию статей и подписанию Нерчинского договора 1689 г.;
- 2) 1693–1694 гг. — разработка комплекса документов по подготовке к провозглашению “Лиги христианских народов Европы” (направленной против Турции и при ведущей роли в ней Австрии, России, Польши и Украины);
- 3) 1695 г. — деятельное участие в военно-политической и дипломатической “подготовке” и проведении “Азовского похода” **Петра I**;
- 4) 1701–1708 гг. — многогранная подготовительная работа с дипломатами, военными деятелями и самим **Петром I** в контекстах ведения Россией ряда войн на Кавказе, на Черном море и на Балканах с Персией и Турцией.

Показателен акцент. Во всех “восточных”, “дальневосточных” и “ближневосточных” делах и научно-мировоззренческих проблемах **Н. Спафарий** часто контактировал с ссыльным хорватом **Юрием Крижаничем** — основоположником ренессансной на Востоке Европы концепции политической науки (книга “Политика”, 1668 г.). Этого профессора западноевропейских университетов какие-то купцы “заманили” в Россию. Некоторое время он был советником царя. Пытался преподавать “латинскую мудрость” старшему сыну царя. Ни советничество, ни домашняя педагогика “не очень получались”. По чьей-то “рекомендации”, — “из-за нечеткого говорения москво-

русских словес и сеяния смутных взглядов среди незрелых голов”, — сослали в Сибирь [2, 38–39]. В объективном смысле эти “молдавско-хорватские контакты” на русско-китайской почве явились своеобразным “идейно-ментальным мостиком” между Западной Европой — через Балканы, Молдову и Украину — и Россией, а через нее — и Китаем.

Одновременно и вместе с тем коротко проанализированные политико-научно-просветительские деяния трех молдавских элитников — **П. Могилы**, **Досифея** и **Н. Спафария**, реализованные в основном за пределами отечественной этноокумены (Молдовы), воплотили политолого-этнологический ренессанс всей Центральной, Южной и Восточной Европы.

По диалектике вещей, в начале XVIII в. “элитолого-просветительский маятник” должен был обозначить проекцию обратного хода, — из России и Украины в сторону Молдовы и Западной Европы. Однако диалектика тут “не сработала”, и Молдова направила в сторону Украины и России новую “просветительскую волну” (правда, импульс шел из Москвы). На самом гребне волны оказался **Димитрие Костак Кантемир**, в славянском мире более известный как **Дмитрий Кантемир**.

Это человек трудной, многосложной и полисемической политической и научной судьбы. Родился в семье домниора Молдовы и сам дважды — на очень короткое время — был правителем (1693 и 1710–1711 гг.). Учился в Ясской Академии и в трех крупнейших средневековых вузах Константинополя конца XVII — начала XVIII вв. Владел двенадцатью классическими, европейскими и восточными языками. Рельефно проявил себя в пятнадцати отраслях научного знания — в философии, социологии, логике, политологии, истории, государствоведении, этнологии, теологии, литературоведении, музыке, географии, медицине, архитектуре и др. Пребывая в Турции более двадцати лет, закрепился там “живым классиком” и “зачинателем османского ренессанса” двумя этнокультурными инициациями: заложил основы турецкой музыкальной нотной грамоты и написал стихи и музыку первого официального гимна страны (“Марш Баязета”).

Подлинным же европейским ренессансным классиком **Д. Кантемир** проявился уже в Украине и России, где он вынужденно оказался после неудачного “Прутского похода” своего союзника **Петра I** в июле 1711 г. Здесь ему присвоили звание “светлейшего князя”, назначили членом Сената и

штатным советником царя, он получил большие поместья под Харьковом, Москвой и Петербургом. Самое же главное состояло в другом — он получил широчайшие возможности по пятнадцать часов в день, как в молодые константинопольские годы, — заниматься разносторонними научными исследованиями и четче прежнего обозначить черты своего классического образа “ученого в политике” и “ученого политика”.

Назовем лишь четыре примера его “классического прорыва”: 1) латинский трактат “Исследование природы монархий” (1714 г.), два века послуживший государствоведческим справочником в кругу просвещенных политиков Европы и Востока; 2) четырехтомная “История восхождения и падения Оттоманской империи” (1714–1716 гг.), полтора века послужившая европейским университетам учебником по восточной истории; 3) трактат на латинском и молдавском языках “Историческое, географическое и политическое описание Молдовы” (1716 г.), за который он был избран в члены Берлинской Академии наук — первым в Западной Европе он стал “иностраным академиком из России” (!); 4) трактат на латинском, турецком и персидском языках “Система магометанской религии” (1719 г.), долгие десятилетия, да и поныне служащий университетским пособием по теории и истории восточных религий. Большой резонанс имели и другие прижизненные труды **Д. Кантемира**, например: “Логика” (1713 г.), “Хроника стародавностей романо-молдо-влахов” (1715 г.), “История иероглифическая” (1717 г.), “Трактат о музыке” (1718 г.), “Исследование Кавказа” (1720 г.), “Темные места из катехизиса” (1721 г.) и др. Политолого-правоведческая проблематика названных и других его трудов в современной Украине компактно интерпретирована в одной недавней энциклопедической статье [27, 35–36]. Другие же теоретические и науковедческие проблемы необъятной — и пока что “законсервированной” в России — кантемирады еще ждут своего исследования.

В научной литературе наших стран до сих пор без вразумительного ответа остается вопрос: откуда, из каких этнокадровых источников в начале XVIII в. в Левобережной Украине появилось “так много молдаван”? В Правобережной, мол, ясно, — граница с Молдовой, а тут? “А ларчик просто открывался”. Оказалось, что после поражения **Петра I** на Пруте в июле 1711 г. его “союзник” домнитор Молдовы **Д. Кантемир** увел за собой в Украину и Россию “в добровольный экзил” четыре тысячи боярских и интеллектуаль-

ных семейств — практически всю элиту страны. Его соратник и министр обороны **Ион Некулче** (впоследствии — знаменитый ученый-историк и просветитель) свидетельствовал: это были министры и парламентарии, военные и дипломаты, мелкие помещики и ремесленники, торговцы и книжники, учителя и священники, академическая профессура и лекари-фармацевты. Среди них — и министр в правительстве **Д. Кантемира**, впоследствии — гетман Левобережной Украины **Даниил Апостол** [20, 507–508].

По распоряжению **Петра I** первым местом расположения самоэкзильных молдаван был определен г. Киев, через две недели — Харьковщина. В августе 1711 г. на специально созванном заседании Сената **Д. Кантемир** “поставил вопрос ребром”: “Из-за вас мы потеряли страну. Требуем обустройства “своей страны” на Харьковщине, а то и как можно ближе к границам Молдовы”. При большом сопротивлении **Ф. Апраксина** и **Б. Шереметьева**, Сенат и **Петр I** все же пошли на уступки: молдаванам отдали на постоянное жительство на Харьковщине сначала 13 сел (1000 жителей), затем добавили еще 50 сел (15 000 жителей); самому **Кантемиру** определили одно имение под Харьковом (с. Комаровка, ныне — г. Кантемировка Воронежской области России), другое имение под Москвой (ныне г. Димитрово — город, названный его именем), два дворца в Москве и два дворца в Петербурге. Указом царя в пределах всех этих “маленьких Молдавий” **Д. Кантемир** был назван “самым старшим над всеми молдаванами” [20, 508, 513, 517].

Таким вот образом в разных местах Украины и России постепенно появились “молдовлашские местности”. С тех пор к неплохо изученной **И. М. Варзарем** “романской дуге Украины” (полосы этносмешанного, романо-славянского населения от г. Ужгорода до г. Рени) [24, 307–448] добавились Немировский регион на Подолии (это “переселенцы Гики-водэ” 40-х годов XVIII в.); Ново-Санжарский регион на Полтавщине (выходцы 60-х годов XVIII в. из-под молдавского городка Сынжерей — также и родины известных элитных молдаван **С. П. Лазо** и **С. Л. Тигипку**); “дукатские переселенцы” начала XIX в. (от имени домнитора Дуки-водэ) в четырех регионах нынешней Николаевщины — Вознесенске, Доманевке и Арбузинке; появление на транснистрийской границе Украины в 1924 г. так называемой “Автономной молдавской республики”, задуманной **И. В. Сталиным** (как прояснилось совсем недавно) в качестве своеобразной лаборатории для

апробации “образа гипотетически объединенной в какой-то перспективе Молдовы и Румынии” с последующим вхождением в состав СССР [13, 144–146].

Основной “акцент в тему” моего краткого исследования: из среды этих “молдавских этнолюкусов”, названных на Западе “кантемировскими”, впоследствии вышли многие и многие элитные люди разной интеллектуальной и профессиональной ориентации. Нескольких из них я назову ниже, а теперь вернусь к собственно “кантемировцам”.

О политико-служебной и научно-исследовательской жизни **Д. Кантемира** в Украине и России уже сказано. Добавлю некоторые научно-педагогические и историко-биографические детали. От первой жены у него было пятеро детей, от второй — четыре. Всех своих детей он сам воспитывал и учил основам наук одновременно на шести языках — эллинском, латинском, молдавском, французском, английском и русском. Наиболее преуспел в науках и языках младший сын **Антиох**, родившийся еще в Константинополе (1708 г.). “В Славонии, — писал он впоследствии, — учебных заведений не проходил. Отец послужил мне с пяток европейских университетов”. Став в домашних условиях одним из образованнейших людей своего времени, **Антиох Кантемир**, по мнению многих его современников, должен был бы возглавить Российскую Академию наук. Фактическим академиком он оказался в роли основателя русской художественной литературы и первой системы русского сатирического стихосложения. В 30–40-х годах был Послом России в Англии и Франции. В многочисленных контактах с **Вольтером**, **Монтескье** и другими гениями того времени, в сочинениях и письмах **А. Д. Кантемир** упорно добивался внедрения в научно-политический обиход изобретенных им же до десятка новых понятий — таких привычных нам сегодня, как “депутат”, “делегация”, “идея”, “идейность”, “мировоззрение”, “природа”, “социальное существо”, “солидаризм” и др. Потомства он не оставил.

Д. Кантемир после смерти первой жены (1718 г.) женился на княгине **Анастасье**, дочери князя **И. Трубецкого**, прадеда известного в начале XIX в. генерала, который должен был возглавить восстание декабристов в 1825 г. От второго брака у **Д. Кантемира** были две дочери и три сына, которые потомства не оставили. Сыновья **Матвей**, **Константин** и **Сергей** стали военно-политическими интеллектуалами, много лет в разных должностях служили и в Украине. К концу XVIII в. род кантемировцев прервался.

Косвенным же образом — по женской линии — “кантемириада” продолжала свою жизнедеятельность преимущественно в духовной сфере. В середине XVIII в. дал о себе знать племянник матери **Д. Кантемира** — украинский историк и этнолог **Н. Бантыш-Каминский** (его мать звали **Мария Бантыш**, дочь правителя Верхней Молдовы, Мунтении. Ее брат, принц **Влад Бантыш**, профессор Ясской Академии, оказался в Украине и России с другими “кантемировцами”. Его дети породнились с украино-польскими шляхтичами **Каминскими**, так и появилась прославившая украинскую и российскую науку романо-славонская элитная династия.) Через два-три этноколена, в первой половине XIX в., проявился широкопрофильный украинский ученый — историк, археограф, этнолог и лингвист **Д. Н. Бантыш-Каминский**, автор уникального учебника по украинской политической истории, творец десятитомной справочной книги “Великие сыны земли русской”, вышедшей в свет аж до конца XIX в.

Так уж произошло, что ожидавшийся в первой половине XVIII в. “обратный ход маятника” — из России и Украины в сторону Молдовы — не состоялся. Зато кантемировские “этноокуменные очаги” (особенно же харьковский, полтавский, подольский, черниговский, подмосковный, петербургский и др.), уже начиная с первой четверти XVIII в., стали выдвигать на арену Украины и России все новых элитников. Самым крупным среди них проявился упомянутый уже Даниил Павлович **Апостол** (его потомок — известный в начале XIX в. генерал, повешенный царем “декабрист” **И. Муравьев-Апостол**). Великий украинский политик проявил себя эрудированным ученым-юристом — он автор второго в украинской истории проекта конституции (“Решительские пункты”, 1727 г.) и первой попытки кодификации наличного на то время украинского законодательства (1730 г.). Одновременно с ним на украинскую арену выдвинулся его земляк (из Ясс) и однокашник по Ясской Академии и Римской Академии права **Иоаким Степелин** — юрист и низовой полковой администратор на Полтавщине. Чудным образом его фамилия модифицировалась как **Стеблин** и в сочетаниях с польскими князьями **Каминскими** выдвинула на арену Украины, России и СССР плеяду разнопрофильных ученых-гуманитариев и дипломатов. Насколько известно, увенчивает династию знаменитый ученый — историк, этнолог и лингвист, специалист-скандинавовед **Н. И. Стеблин-Каминский**, профессор Ленинградского университета (умер в 1981 г.).

С 60-х годов XVIII в. на российскую арену выходят два “ославленных молдаванина” из кантемировской среды — один из г. Переяслава, другой — из Конотопа. Михаил, сын молдавского маркиза **Никона Хереску**, стал в России историком, писателем (автором знаменитой поэмы “Россияда”) и педагогом, директором Московского университета. Это “обрусевший” **М. Н. Херасков**. Конотопский потомок “кантемировцев” — врач, физиолог, педагог и книгоиздатель в Петербурге, профессор Медико-хирургической академии **Николай Парпура** (настоящая фамилия — **Папурэ**). Между прочим, он был первоиздателем “Энеиды” **И. П. Котляревского** (1796 г.).

Со второй половины XIX в. берет разбег новая волна молдавских имен, — на этот раз они рельефно дадут о себе знать “поровну” и в политической, и духовной сферах. Это уникальный музыкант-хормейстер **Гавриил Музыкачку**; юрист, историк и спикер царской Думы **Вальдемар Пуришкевич**; ученый-экономист и статистик, советник правительства **С. Ю. Витте** — **Капитон Келтуялэ**; поэт и театрал **Раду Кройтору**; многопрофильный ученый — математик, физик, лингвист, этик и религиозный философ, основоположник “теории семиотики” и “концепции конкретной метафизики”, депутат Петросовета и советник правительства **В. И. Ленина** — **П. А. Флоренский** (настоящая фамилия деда с берегов Рэута — **Флореску**); философ, историк и культуролог, организатор науки, академик, директор филиала Института философии АН СССР и профессор многих ленинградских вузов **Иван Лушпол** (настоящая фамилия — **Лупу**, потомок **Трифона Лупу** — брата правителя Молдовы **В. Лупу** середины XVII в.); философ-культуролог, историк античности, украинский академик и штатный министерский сотрудник **Владислав Бузескул** и др.

В первое послевоенное двадцатилетие в недрах правящего политкума СССР напряженно выработывалась концепция создания “советского народа — новой этноисторической и социально-политической общности людей”. В праксеологии мер ее реализации три позиции имели особую смысловую нагрузку: 1) “служба в вооруженных силах как можно дальше от места рождения”; 2) “обмен между республиками кадрами на учебу и плановое распределение на работу” и 3) “декады культур породненных городов и республик”. В сети проведения этих и подобных мероприятий между Украиной, Россией и Молдовой, условно говоря, “навстречу друг другу” шли и пересекались волнообразные потоки разнопрофильных

и разноэтнических кадров. В этом-то взаимообращаемом и взаимообогащающемся процессе в Молдове оказались украинские писатели **Я. Кутковецкий** и **Б. Истру**, ученые-этнологи **В. Зеленчук** и **К. Попович**, политологи **Н. Тодика** и **Г. Роговая**; а народный артист, композитор и педагог **Р. Бабич**, поэт **Г. Пеле** и философический писатель **Ион Друцэ** оказались в Москве. Да простится мне невозможность назвать здесь все известные имена.

Еще больший подъем в душе я испытываю сейчас, когда собрался называть известных мне молдавских интеллектуалов, давно уже ставших рельефными элитными фигурами в контекстах украинской науки и культуры наших дней. Это — мои современники. Не сомневаюсь в том, что таковыми являются (по алфавиту): **Раисия Ботнар-Антонюк** — доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Академии педагогических наук Украины; **Иван Варзарь** — доктор политических наук, профессор, академик, фундаментатор науки политической этнологии, правительственный и парламентский советник, много лет возглавлявший ассоциацию “Украина — Молдова”; **Михаил Гузун** — кандидат искусствоведения, заслуженный артист Украины, международно известный дансмейстер; **Василе Казаку** — доктор технических наук, профессор, организатор науки, нынешний президент ассоциации “Украина — Молдова”; **Николае Курмей** — теоретический физик, ведущий физиклиматолог Украины; **Василе Морару** — доктор биологических наук, профессор; **Ангелина Нягу** — доктор медицинских наук, профессор, академик, вице-президент Европейской ассоциации эндокринологов; **Ионел Пысларий** — доктор истории, археолог, архивист и музыкант, в настоящее время живет и работает в Румынии. Наверняка, в Киеве и Украине в целом этих элитников куда больше, чем я смог назвать.

Думаю, что и в этическом, и в концептуальном планах права киевлянка **Лариса Ившина**, когда в аналогичной коллизии говорит: “Во всех странах интеллектуальная и политическая элита по генезису двояка — аристократична и простонародна, но в функциональном плане ее роль едина — воспитывать в себе такие качества, без которых народ [соответствующей страны] потерялся бы в потоке истории” [11, 5]. Полагаю, что эта аксиология рассматриваемой здесь проблемы целиком относится и к упомянутым молдавским и украинским элитникам за последние четыреста лет. Ибо же именно благодаря их интеллектуальным и политико-организационным усилиям и вкладу во

всечеловеческую науку и культуру народы наших стран не потонули в потоке истории.



Литература

1. Асмус В. Декарт. — М., 1956.
2. Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. — М., 1901.
3. Білодід О. Загадка Петра Могили. — К., 1997.
4. Блажейовський Д. Митрополит Петро Могила, його доба і його колегія. — Л., 2006.
5. Варзар І. Із контекстів минулих літ. Вибране. — Кн. 1: Держава і народ-етнос в політологічному дискурсі. — К., 2003.
6. Варзар І. М. Політична етнологія як наука: історіологія, теорія, методологія, праксеологія. — К., 1994.
7. Варзар І. М., Жолковський К. Е. Кантемір Дмитро Костянтинович // Юрид. енцикл. — Т. 3. — К., 2001. — С. 35–36.
8. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: В 2 т. — К., 1883. — Т. 1.
9. Двойченко-Маркова Е. Из истории русско-румынских культурных взаимосвязей XVII века // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII вв.). — М., 1971.
10. Жуковский А. Петро Могила та доля українських церков: Пер. з фр. — К., 1993.
11. Івшина Л. Слово до читачів // Україна Incognita / За заг. ред. Л. Івшиної. — К., 2004. — С. 5.
12. История Молдавской ССР: В 3 т. — Кишинев, 1965. — Т. 1.
13. Політолого-етнологічні проблеми розвитку сучасної України / За наук. ред. І. М. Варзара. — К., 2007.
14. Руссев Е. М. Славянский вклад в древнемолдавскую культуру // Кодры (Кишинев). — 1971. — № 7. — С. 37.
15. Смолій В. А., Степанков В. С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. — К., 1997.
16. Сюдюков І. Петро Могила: екуменіст і просвітник. Європейський вибір українського митрополита // Україна Incognita / За заг. ред. Л. Івшиної. — К., 2004.
17. Урсул Д. Т. Николай Гаврилович Милеску-Спафарий. — М., 1980.
18. Balan Mihail, Demciuc M. Vasile. Mănăstirea Râșca. — Trinitas, Iași, 2001.
19. Moraru Anton. Istoria românilor. Basarabia și Transnistria: 1812–1993. — Chișinău, 1995. — Cap. IV.
20. Neculce Ion. Letopisețul Țării Moldovei. — Cartea cronicilor / Texte antologate și comentate de Elvira Sorohan. — Iași, 1986.

Аксиологія проблеми, розглянутої у статті, цілком належить до українських і молдовських елітників за останні чотириста років. Їхній науковий, націє- і державотворюючий, політичний досвід є вагомим внеском в етніоісторію народів України, Молдови і Росії.

Аксиология проблемы, рассмотренной в статье, в полной мере относится к украинским и молдавским элитникам за последние четыреста лет. Их научный, нацио- и государствообразующий, политический опыт является весомым вкладом в этноисторию народов Украины, Молдовы и России.

Aksiologiya of problem, lifted in the article, to a full degree belongs to Ukrainian and Moldavian elite for the last four hundred years. Them scientific, nation-state creative, political experience is ponderable payment at the Ethnic history people of Ukraine, Moldova and Russia.

Получена 11 сентября 2008 г.